

- Супинский* 1934 – *Супинский А.* ГМЭ // СЭ. 1934. № 3. С. 105–106.
Шангина 1991 – *Шангина И.И.* Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х – 30-х годов XX в. // СЭ. 1991. № 2. С. 71–81.
Шангина 1994 – *Шангина И.И.* Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга. История и проблемы комплектования. 1867–1930 гг. СПб., 1994.
Шангина 1995 – *Шангина И.И.* Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга (История и проблемы комплектования. 1867–1930 гг.) / Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1995.
Шангина 2001 – *Шангина И.И.* Первые годы после войны // Российский этнографический музей. 1902–2002. СПб., 2001. С. 50–53.
Clifford 1988 – *Clifford J.* The predicament of the culture. 1988.
Clifford 1997 – *Clifford J.* Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge, 1997.
Legene 2002 – *Legene S.* The ethnographic museum and white ethnicity in the Netherlands // Музей. Традиции. Этничность. XX–XXI вв. СПб., 2002.

D.A. Baranov. Ethnographic Museum and the “Rationalization of a System”

Keywords: museum, ethnography, representation, ideology, classification

ЭО, 2010 г., № 4

© П.С. Куприянов

БОЯРСКИЙ БЫТ, РУССКИЙ ДУХ И ОСВОЕНИЕ ПРОШЛОГО В ИСТОРИЧЕСКОМ МУЗЕЕ*

“Я – еврей, мне очень понравилось в этом музее”

Из книги отзывов

Ключевые слова: исторический музей, восприятие прошлого, этнокультурная идентичность

И.Е. Забелин, один из основателей Российского исторического музея, еще в XIX в. высказал мысль о том, что последний представляет собой “могущественное средство к достижению народного самосознания” (*Сундиева* 2009: 59). За прошедшие десятилетия этот тезис, в том или ином виде многократно воспроизводившийся в музееведческой и культурологической литературе, превратился в общее место, т. е. в положение, которое в силу его очевидности “никому не надо доказывать” (*Мальцева* 2005: 52) и которое поэтому крайне редко проблематизируется. Другим таким нерелевантным клише в последние годы стало утверждение о том, что музей есть пространство диалога (перекрестка, встречи) разных культур, традиций и – применительно к историческому музею – времен (*Шляхтина* 2002а: 234, 236; 2002б: 400–401).

В рамках музееведческого дискурса названные топосы (обозначающие соответствующие функции исторического музея) могут относиться к одному и тому же объек-

Павел Сергеевич Куприянов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: bruh2@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

ту и фигурировать как непротиворечивые и дополняющие друг друга характеристики, что, очевидно, объясняется их формальным характером. Иными словами, в теоретических работах общего плана один и тот же музей может описываться одновременно и как фактор укрепления национальной идентичности, и как пространство диалога между прошлым и настоящим. Между тем на практике совмещение этих двух функций оказывается невозможным, подтверждением чему является опыт одного из филиалов Государственного Исторического музея (ГИМ).

Палаты бояр Романовых (далее – ПБР) – один из старейших московских музеев, основанный еще в 1856 г. по указу императора Александра II. Он находится в центре Москвы, на территории бывшей усадьбы Романовых, в единственном сохранившемся от нее здании. В результате реставрации и реконструкции середины XIX в. здание приобрело выразительный облик средневековых боярских палат, благодаря чему и сегодня заметно выделяется на фоне других построек столичного центра. Первоначально музей функционировал как мемориальный: здесь среди прочего были представлены личные вещи первых Романовых. В дальнейшем он претерпел значительные трансформации: в советское время поменялся не только внешний вид и интерьеры здания (от реставрации середины XIX в. отказались как от фальшивой), а также название музея (Дом бояр Романовых стал сначала Домом боярина XVII в., а потом – Музеем боярского быта XVII в.), но и экспозиция: – вместо царских реликвий в палатах начали демонстрировать “быт эксплуататоров” и устраивать тематические выставки из фондов ГИМ, филиалом которого музей стал в 1932 г.

Во время последней реставрации (1984–1991 гг.) был частично восстановлен изначальный облик музейного здания и создана новая экспозиция. Сегодня здесь можно видеть бытовую обстановку богатого боярского дома второй половины XVII в. Экспозиция построена по “интерьерному” принципу, т. е. витрины почти отсутствуют, а в музейных помещениях представлены интерьеры трапезной палаты, кабинета боярина, библиотеки, комнаты старших сыновей, комнаты боярыни, светлицы. Кроме того, посетители могут не только посмотреть мужскую и женскую половины в жилой части дома, но и пройти в подвалы, где “хранятся” хозяйственная утварь и боярская казна.

Подобная форма презентации прошлого, а также мемориальный статус дома позволяет отнести ПБР к специфической категории – *исторических домов-музеев*, которым в современном музееведении приписывается особое эмоциональное и психологическое воздействие на посетителей, связанное с восприятием музея не как памятника, а как бывшего жилого дома. Один из авторов пишет: “В нем царит атмосфера, которая переносит их (посетителей. – П.К.) в иные времена и располагает к тому, чтобы представить себя на месте других людей... Они спрашивают себя: неужели эти люди ощущали ту же радость или печаль, что переживают и они?” (*Рисникофф де Горгас* 2001: 10). Экспозиция ПБР также рассчитана на такой эффект “сближения с прошлым”. В альбоме-путеводителе по музею сообщается, что «каждый, кто переступает его порог, может не только увидеть “застывшую старину”, но и непосредственно к ней прикоснуться» (*Щуцкая* 2005: 81; 2006).

Это *прикосновение к старине* (порой рассматриваемое как главная задача и конечный результат музейной деятельности) влечет за собой весьма значимые последствия, в частности – способствует актуализации коллективной идентичности. “Встреча лицом к лицу с прошлым позволяет нам понять, кто мы такие, и – что еще более важно, – кем мы не являемся” (*Рисникофф де Горгас* 2001: 10). Заметим, что данное утверждение, как будто очевидное и исчерпывающее, все же допускает двойное толкование. Ведь посетитель может отождествлять себя с представленным прошлым, а может и противопоставлять себя ему. В зависимости от этого конструируемая общность (“мы”) должна иметь принципиально разную конфигурацию: в первом случае это некое диахронное (протяженное во времени), “вертикальное” сообщество – этническое, культурное, территориальное или какое-то другое. Во втором же случае “мы” должно пониматься как

синхронная, “горизонтальная” общность, объединяющая всех современников перед лицом иной эпохи.

Экспозиция ПБР явно ориентирована на второй вариант: то прошлое, с которым здесь сталкивается посетитель, оказывается для него весьма экзотичным. Этому способствует необычная архитектура (низкие сводчатые потолки, небольшие дверные проемы, маленькие окна), оформление интерьеров (растительный орнамент на сводах и стенах, массивные двери, полумрак) и бытовая обстановка (лавки и скамьи вдоль стен, сундуки разных форм и размеров и другие бытовые предметы, часто даже незнакомые современному горожанину). Противопоставление прошлого и настоящего усиливается с помощью выразительных дизайнерских приемов. Все музейное пространство разделено на две зоны – экспозиционную и посетительскую, которые легко вычлняются визуально: в первой полы деревянные (или белокаменные), а во второй покрыты темно-красным ковролином. Такое контрастное оформление пола, по замыслу авторов экспозиции, есть не что иное, как пространственное выражение хронологической антитезы прошлого и настоящего. Упомянутые зоны разделены невысоким заграждением-барьером, также выполняющим как утилитарную, так и символическую функцию: с одной стороны, оно препятствует посетителям проходить на экспозицию, а с другой – выступает в качестве границы между *той эпохой* и *нашим временем*.

Таким образом, сама организация музейного пространства предписывает воспринимать прошлое как *иное*, отличное от *своего* (=современного). Несмотря на пресловутый “эффект присутствия” и соприкосновения со стариной, посетитель в ПБР оказывается *отделен* от истории и *противопоставлен* ей. Данное обстоятельство делает их идеальной площадкой для воплощения столь популярной в музееведческой среде идеи *диалога* – того самого диалога между двумя эпохами, который должен основываться на признании инаковости прошлого и принципе историзма. Такова теория. На практике же все оказывается несколько иначе...

* * *

С начала 1990-х годов ПБР пользуются неизменной популярностью среди посетителей самых разных категорий. Во многом это объясняется тем, что в музее успешно осваиваются традиционные и новаторские формы работы (лекции, занятия, экскурсии с элементами театрализации, интерактивные праздничные представления и др.). Но все же главное, что привлекает людей в музей – это его необычная экспозиция. При этом до сих пор в ПБР не проводилось специального исследования, посвященного тому, как воспринимается экспозиция посетителями, и на сегодняшний день единственными источниками для суждений по этому вопросу являются личные наблюдения экскурсовода¹ и записи в музейных книгах отзывов². Последние, будучи довольно специфическим источником и отражая позицию лишь какой-то части музейной аудитории, все же позволяют зафиксировать основные тенденции восприятия экспозиции.

Прежде всего следует отметить, что посетители ПБР переживают яркую иллюзию пребывания в настоящем боярском доме: “*Потрясающе! Создается впечатление, что я не в музее, а действительно попал в старину! Освещение в подвале словно переносит на века назад. Боярыня – как настоящая...*” (18 мая 2002 г.)³.

Чаще всего посетители с помощью устойчивых формул выражают благодарность за возможность прикоснуться / окунуться / погрузиться “*в историю и быт древней России*” (25 сентября 2002 г.), “*в тот далекий мир XVII в.*” (8 января 2006 г.); “*в мир старины*” (8 ноября 2003 г.), “*во времена боярского правления*” (15 мая 2005 г.) и т.п. Правдоподобие экспозиции передается посредством эпитетов “*настоящий*”, “*живой*” (“*это живая история...*”, 8 августа 1993 г.), “*все экспонаты как живые...*” (21 ноября 2003 г.), а ситуация невероятного сближения с иной эпохой (вплоть до ощущения “*запаха тех лет*” (14 сентября 2001 г.), описывается с помощью распространенных метафор “погружения” в прошлое и “духа / аромата / атмосферы старины”:

“Великолепный музей, который так способствует погружению в прошедшую эпоху и передает ее атмосферу...” (18 апреля 2003 г.); “Я окунулась в далекое прошлое России, почувствовала себя боярыней Романовой” (16 мая 1997 г.); “Прекрасно! Мы ощутили аромат старины и нашего общего прошлого!” (2 января 1998 г.).

Таким образом, в ПБР в полной мере реализуется столь характерный для домов-музеев эффект “сближения с прошлым”. Вместе с тем по последним отзывам видно, что вопреки экспозиционному замыслу это сближение вовсе не приводит к противопоставлению двух эпох – напротив, люди склонны отождествлять себя с историческими персонажами и воспринимать представленное прошлое как свое: это “наша старина” (1 мая 1996 г.), “наша история” (17 мая, 22 августа 1992 г.), “наше прошлое, наши истоки” (13 октября 1993 г., 13 сентября 2002). Но чаще всего в отзывах фигурируют “наши предки” (18 апреля 1992 г., 13 февраля 1993 г. 10 марта 1996 г. 7 сентября 1997 г. 9 января 1998 г., 9 июня 2003 г. и др.). Музей образно описывается как “маленький остров наших прапрадедов” (2 февраля 1992 г.), а его посещение – как визит к “родственникам, жившим давным давно” (15 марта 1998 г.). Актуализация концепта *родства* подчеркивает степень близости демонстрируемого прошлого современному человеку. Боярский быт оказывается для него не “чужой страной” (*Лоуэнталь* 2004), а “давно забытым, но дорогим сердцу укладом” (30 октября 2004 г.)⁴.

* * *

Итак, судя по книгам отзывов, восприятие экспозиции посетителями заметно отличается от того, которое было “запрограммировано” ее создателями: “погружение” в иную эпоху становится скорее “возвращением домой”, нежели “встречей с Другим”. Такое “несовпадение”, по-видимому, объясняется двумя обстоятельствами. Первое связано с принципами построения экспозиций, второе – с особенностями обыденного исторического сознания. Дело в том, что в отечественных исторических экспозициях традиционно недооценивается сложность музейной коммуникации, вследствие чего посетителю отводится пассивная роль объекта информационного воздействия. Коммуникация же понимается упрощенно, как передача сообщения посредством вещей от экспозиционера (отправителя) к посетителю (получателю) (*Беззубова* 2004: 424, *Ольшевская* 2005: 272–273, *Юхневич* 2006: 44–48).

Вместе с тем современные исследования показывают, что этим она вовсе не исчерпывается, а включает также весьма активные действия последнего, направленные в первую очередь на означивание полученных сигналов. Восприятие предмета (а вслед за ним и всей экспозиции) предполагает не только обследование визуального материала, но и конструирование видимого объекта в сознании наблюдателя, причем в создании этого перцептивного образа прежний визуальный опыт человека действует не менее сильно, чем текущие чувственные ощущения (*Розин* 1996: 47–53; ср.: *Вахтин* 2006: 150–151). Иными словами, человек смотрящий в значительной степени сам конструирует видимый предмет. Из чего следует, что вопреки господствующему представлению музейный предмет не *содержит информацию*, а *наделяется значением* (*Байбурин* 2004: 83–84). Посетитель вчитывает в него *свои* смыслы и встраивает в *свои* контексты.

Источником же этих смыслов и контекстов является обыденное историческое сознание, в котором доминирует *монологический* подход к прошлому, т. е. фактически игнорируется *инаковость* этого прошлого как Другого (напр., см.: *Зверева* 2004: 160). Дело, естественно, не в том, что человек не замечает различий между XVI и XXI в., а в том, что он оценивает их, исходя из современных представлений, воспринимая старые вещи “современными глазами”.

Так, в ПБР в комнате боярыни среди прочих предметов мебели представлены кресло и стул XVII столетия. Известно, что и тот и другой предмет бытовали в домах московской знати, однако обладали разным “статусом”: если кресло в боярском доме уже было довольно привычным предметом, то стул все еще оставался диковиной, и благодаря этому мог обладать также и экстраутилитарным значением, свидетельствуя, например, об известном недостатке хозяев или их культурных ориентациях. В отличие от людей XVII в. нынешний посетитель музея, как правило, не замечает столь важной прежде “статусной” разницы между двумя предметами для сидения. Его взгляд скользит по хорошо знакомым предметам, не фиксируя в них никаких дополнительных культурных значений. Стул и кресло для него равнозначны (а порой и трудноразличимы). И в реконструированном историческом интерьере человек отводит им то же место, которое они занимают в современном быту. Стулу XVII в. присваивается то же значение, которое закреплено за ним сегодня. В этом смысле человек как бы “подменяет” стул XVII столетия стулом современным, или, иначе говоря, “не видит” в этом предмете старого стула, опознавая его как знакомую вещь. Происходит замена знакового смысла предмета, *обновление означаемого*, в терминах невербальной семиотики (Баранов 2005: 214; Кнабе 1998: 59–64).

Такое анахроничное восприятие не ограничивается предметной областью: точно так же слова XVII в. наделяются сегодняшним значением, а поступки людей прошлого интерпретируются на основе современных (как будто универсальных) мотивов и здравого смысла. Все это подспудно способствует осознанию *единства* с ними, принадлежности к одной общей традиции, однако не оставляет никакой возможности для пресловутого *диалога*. В продолжение традиционной метафоры можно сказать, что, погружаясь в глубь веков, наш современник, подобно водолазу, остается глух к голосам подводного мира. Он вовсе не вдыхает в себя “дух старины”, но дышит с помощью автономного аппарата (акваланга), запроваженного там, на поверхности, в XXI в., “своим” воздухом.

Лишенное статуса диалогового партнера прошлое становится источником для конструирования некоей общности, объединяющей людей разных эпох на основе родства. Такое восприятие, очевидно, восходит к школьному образу истории: здесь прошлое традиционно представляется в категориях “своего” и “чужого”, благодаря чему у учеников формируется устойчивый навык отождествления себя с неопределенной вневременной общностью: «“мы победили Шамиля”, “мы присоединили Казань”, “мы разбили татар на Куликовом поле”»... В воображении ребят по просторам России-матушки во все времена и эпохи маршируют эти загадочные “мы”. В разные времена «“мы” – то поляне, то подданные Московского княжества, то жители нынешней Центральной России – в отличие от жителей Поволжья» (Эйдельман 2004: 115). Чаще всего, однако, эта общность приобретает этнический облик, что, очевидно, является отражением общей тенденции актуализации этнического в эпоху глобализма (Шнирельман 2003: 4).

* * *

То же самое происходит и в музее: *освоение* прошлого получает логическое завершение в его *этнизации*. Определение “русское” встречается в рассматриваемых текстах не реже, чем “наше”, и чаще всего эти слова взаимозаменяемы, иначе говоря, “наше” оказывается “русским”: это “*наш русский быт*” (23 ноября 2002 г.), “*наша русская старина*” (20 февраля 2006 г.), “*история нашей Руси*” (10 мая 1992 г.). Музейное прошлое уверенно опознается как “*наследие нашего народа*” (19 августа, 5 сентября 1992 г.) и “*культура нашей нации*” (20 мая 2004 г.), это – русская история, причем, в сознании музейной аудитории смысловой акцент делается на слове “русская”, тогда как собственно “история” оказывается и не так важна:

«Спасибо Вам, Хранители древности! Вам удалось сохранить то, что передает русский дух. “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!”» (14 марта 2004 г.).

Приведенные пушкинские строки не раз встречаются на страницах книг отзывов (9 февраля, 16 сентября 1992 г. и др.), что, кажется, вовсе не случайно. По-видимому, интерьеры боярского дома у большинства посетителей вызывают устойчивые ассоциации с фольклорными мотивами, известными чаще всего по популярным стилизациями, в том числе (и, похоже, в первую очередь) – по пушкинским сказкам (Щуцкая, Игнатьева 2006: 128). А поскольку фольклор в обыденном представлении есть ничто иное, как форма этнической культуры, то и музейная экспозиция воспринимается как манифестация русского⁵. Посетители находят здесь “самый русский стиль” (20 августа 1992 г.), “истинно русскую красоту” (28 августа 1992 г.), “тепло русского доброго дома” (28 ноября 1993 г.), а также “духовные традиции Седой Руси” (7 сентября 1997 г.). В их отзывах ПБР предстает не столько историческим музеем, сколько заповедным “русским уголком” (4 сентября 1992 г.), где “осталось хоть что-то русское” (7 ноября 1992 г.), поэтому на него возлагается особая миссия: “Здесь тот живительный источник, / Который вновь Россия обретет!” (23 августа 1995 г.).

Более того, сотрудникам музея приписывается “любовь к русским традициям” (без даты), и “Русской старине” (18 апреля 2002 г.), они воспринимаются как “родные по духу русские люди” (29 октября 1994 г.), их благодарят за “сохранение и возрождение русской культуры” (9 февраля 1992 г., 26 января 1993 г.), что, очевидно, и представляется главной функцией музея: “И особенно ценно то, что вы поддерживаете и подчеркиваете все истинно русское, что сейчас так ценно и так редко, особенно для наших детей” (5 апреля 1998 г.); “Спасибо всем, кто сохранил все это, кто поддерживает экспозиции, кто знакомит с ними все новые поколения русских людей. А то мы скоро забудем, что мы русские...” (17 января 2005 г.); “Спасибо Вам, хранители истории, старины, самобытности и значимости Руси. Это крайне необходимо нашим детям, растущим в такую трудную пору уничтожения русской духовности, чести, величия...” (9 декабря 2005 г.).

Данные фрагменты позволяют зафиксировать сразу несколько существенных моментов. Во-первых, здесь явно прослеживаются алармистские интонации, столь характерные для этнонационалистического дискурса (Зверева 2005: 35). Последний проявляется также в замечаниях о “великой культуре русского народа” (без даты) и т.п. Очевидно, только в рамках этого дискурса сугубо бытовая экспозиция может свидетельствовать о “Великой истории русских людей” (8 сентября 1993 г.) или о “могучей русской цивилизации” (13 сентября 1993 г.).

Во-вторых, в отзывах часто отмечается, что знакомство с музеем необходимо в первую очередь детям (напр., см.: 12 сентября 1997 г., 23 ноября 1997 г., 4 мая 2003 г.), однако целью этого знакомства вновь оказывается не познание прошлого, а укрепление национальной идентичности: “это помогает воспитывать наших детей русскими людьми” (28 июля 1993 г.).

Судя по отзывам посетителей, ПБР оказываются для этого весьма подходящим местом, поскольку знакомство с экспозицией “будит самые потаенные уголки русской души” (13 сентября 1992 г.; ср.: 23 марта 1996 г.), дает возможность “почувствовать свое в России укоренение” (20 января 1993 г.), “близость к родной культуре” (21 ноября 2003 г.) и даже “ощутить себя частью древнего Государства Российского” (25 сентября 2002 г.). Это чувство принадлежности к русскому народу/культуре/истории позволяет людям испытывать гордость за свою историю и своих предков (8 января 2006 г., 26 февраля 1993 г.).

Подобное переживание опыта предков как своего, по наблюдению психологов, является одним из факторов психологически благополучного состояния индивида и общества (Нуркова 2009: 14). Как видно, в музее возникают подходящие условия для такого личностно-вовлеченного освоения исторического наследия, что проявляется в

эмоциональных высказываниях: “Нет слов! Души наших предков возликовали вместе с нами! Русскому человеку невозможно остаться равнодушным: это мы, наша Родина! Спасибо!” (без даты). “Слава Богу, что сохраняет земля Русская дух великого народа... Как нигде, здесь чувствуешь себя потомком сильных могучих душой и сердцем русичей, здесь оживает история и ближе, понятней становится Культура Руси, и хочется расти и расти, чтобы соответствовать во всем нашим прадедам...” (9 июня 2003 г.).

* * *

Возвращаясь к словам М. Рисникофф де Горгас, следует признать, что “встреча с прошлым” в ПБР весьма недвусмысленно “дает нам понять, кто мы такие” и “кем мы не являемся”. Освоение прошлого, отождествление себя с предками, этническая интерпретация этого единства – все это четко определяет контуры “мы” как внеисторической этнокультурной общности. Острое чувство принадлежности к этой общности, переживаемое посетителем в музее, вызывает у него положительные эмоции и формирует состояние психологического благополучия. В то же время нельзя не отметить целый ряд сомнительных моментов, характеризующих данную ситуацию.

Прежде всего игнорирование инаковости прошлого исключает возможность какого-либо диалога с ним и препятствует его изучению. Используемое как материал для конструирования идентичности, оно перестает быть объектом познания, обращается не историей (призванной “исследовать и объяснять прошлое”), а наследием (которое его “упрощает и проясняет”) (*Лоуэнталь* 2004: 7). В результате существенно меняются функции музея: знакомство с исторической экспозицией скорее закрепляет существующие стереотипы, чем прививает навык “общения” с прошлым, и больше способствует кристаллизации коллективной памяти, чем развитию исторических представлений и расширению исторического сознания.

Далее, встреча с музейным прошлым фактически приводит к возникновению искаженного образа реальности: конструируемый в сознании посетителя образ “мы” закрепляет весьма своеобразную конфигурацию культурных сходств и различий, при которой современные русские по культуре оказываются гораздо ближе к своим средневековым “предкам”, нежели к своим современникам других национальностей. Для такого мегаполиса, как Москва, этот тезис представляется более чем сомнительным, что ставит под вопрос социоадаптивные функции музея: ПБР, безусловно, являются «своеобразным психологическим “убежищем” для посетителей» (*Шляхтина* 2002а: 239), где удовлетворяются их потребности в этнокультурной идентификации, но никак не “школой выживания в агрессивной социокультурной среде”, реальный облик которой заметно отличается от того, что создается в музейном пространстве.

Наконец, последнее – по порядку, но не по значению. Отзывы показывают, что освоение прошлого в музее происходит фактически за счет его этнизации. Боярский быт устойчиво воспринимается как русский, благодаря чему музей средневековой истории превращается в музей русской культуры, русского духа – музей *русского*. В этом качестве он, несомненно, способствует укреплению этнокультурной идентичности, а следовательно – и этнической интерпретации социальной реальности, становясь таким образом эффективным институтом воспроизводства этничности (*Соколовский* 2005: 144–167). По меткому выражению одного из посетителей, “музей помогает нам не забывать, что мы русские люди” (17 августа 1994 г.) – тем самым поддерживая межэтнические границы и заставляя отделять себя от тех, “кем мы не являемся”.

Последние, очевидно, также *вспоминают*, что “они” – не “мы” и иногда прямо об этом заявляют (см. эпиграф). При этом “их” упоминание о своем происхождении выглядит столь нелепо и неуместно, что, если бы не детский почерк, можно было бы усмотреть в нем открытый вызов или, скорее, едкую пародию на принятый *способ говорения* об истории в музее – с непременно использованным этнической терминологии.

Примечания

¹ В течение последних 15 лет автор работает экскурсоводом в ПБР.

² Были проанализированы книги отзывов за 1992–2008 гг.

³ При цитировании книг отзывов текст источника выделяется курсивом, в скобках указывается дата записи. Книги хранятся в фондах музея (Оп. I. Д. 48–50, 53, 56, 60. Оп. II. Д. 10–13).

⁴ Даже тот факт, что в музее представлен быт высшей знати, не является препятствием для его “присвоения”. Вследствие этого бояре Романовы оказываются “предками” многих нынешних посетителей: *“Выражаем глубокую признательность за чудесное путешествие во времени в боярскую старину XVII в., в быт Романовых, за погружение в атмосферу старинной жизни наших предков”* (без даты).

⁵ Наряду с фольклорными параллелями, еще одним источником этнической интерпретации данной музейной экспозиции является обыденное представление о допетровской эпохе как о “золотом веке” национальной традиционной культуры.

Литература

- Байбурин 2004 – Байбурин А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–87.
- Баранов 2005 – Баранов Д.А. Образы вещей. (О некоторых принципах семантизации) // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 212–227.
- Беззубова 2004 – Беззубова О.В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса // Коммуникация и образование: Сб. ст. СПб., 2004. С. 418–427.
- Вахтин 2006 – Вахтин Н.Б. Заметки об одной особенности акта коммуникации // Антропологический форум. 2006. № 3. С. 150–151.
- Зверева 2004 – Зверева В.В. История на ТВ: конструирование прошлого // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 160–168.
- Зверева 2005 – Зверева Г.И. Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. 2005. Сентябрь – октябрь. С. 25–40.
- Лоуэнталь 2004 – Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.
- Кнабе 1998 – Кнабе Г.С. Основы общей теории культуры. Методы науки о культуре и ее актуальные проблемы // История мировой культуры. Наследие Запада. М., 1998. С. 59–64.
- Мальцева 2005 – Мальцева Н.А. Роль музеев в формировании общероссийского самосознания, сохранении и представлении нематериального наследия // Роль музеев в формировании культурного пространства и имиджа региона (по матер. науч.-практич. конф. музейных работников в гг. Москве и Ростове-на-Дону в 2004 г.). М., 2005. С. 52–61.
- Нуркова 2009 – Нуркова В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
- Ольшевская 2005 – Ольшевская Г.К. Из опыта организации и проведения социологических исследований в музее // Роль музеев в формировании культурного пространства... С. 266–275.
- Розин 1996 – Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., 1996.
- Сундиева 2009 – Сундиева А.А. Исторические музеи в современной России // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период. М., 2009. С. 59–64.
- Соколовский 2005 – Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. М., 2005. С. 144–167.
- Шляхтина 2002а – Шляхтина Л.М. Образ и образование в исторических экспозициях музеев // Современная историография и проблемы содержания исторических

- экспозиций музеев: По материалам “круглого стола”, состоявшегося 18 мая 2001 г. в г. Орле. М., 2002. С. 234–239.
- Шляхтина* 2002б – *Шляхтина Л.М.* Современные направления взаимодействия музея с посетителем: методологический аспект // Музей, традиции, этничность. XX–XXI вв. СПб., 2002. С. 399–402.
- Шнирельман* 2003 – *Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнограф. обозрение. 2003. № 4. С. 3–14.
- Щуцкая* 2005 – *Щуцкая Г.К.* Материальное и нематериальное наследие в музее “Палаты в Зарядье” // Музей и нематериальное культурное наследие: Сб. тр. творческой лаборатории “Музейная педагогика” кафедры музейного дела. Вып. 6. М., 2005. С. 80–85.
- Щуцкая* 2006 – *Щуцкая Г.К.* Палаты бояр Романовых. Альбом-путеводитель. М., 2006.
- Щуцкая, Игнатьева* 2006 – *Щуцкая Г.К., Игнатьева Т.М.* Особенности реконструкции нематериального наследия в музее “Палаты в Зарядье” // Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев (Тр. ГИМ. Вып. 160). М., 2006. С. 126–131.
- Эйдельман* 2004 – *Эйдельман Т.Н.* Как мы разбили Хазарский каганат. Заметки учителя // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 115–125.
- Юхневич* 2006 – *Юхневич М.Ю.* Посетитель в восприятии музея // Музей и его аудитория. Маркетинговая стратегия: Сб. трудов творческой лаборатории “Музейная педагогика” кафедры музейного дела. Вып. 7. М., 2006. С. 44–48.

P.S. Kupriano v. The Boyar Everyday, the Russian Spirit, and the Mastering of the Past in a History Museum

Keywords: history museum, perception of the past, ethnic-cultural identity

ЭО, 2010 г., № 4

© Л. Гущян

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ГРЕКОВ ПРИАЗОВЬЯ МУЗЕЯМИ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: приазовские греки, краеведение, структура экспозиции, репрезентация истории и культуры, актуализация исторической памяти

Территория компактного заселения приазовских греков охватывает ряд районов Донецкой области Украины. “Мариупольскими” или “приазовскими” называют этноконфессиональную группу греков, которые в 1778–1780 гг. были переселены императрицей Екатериной II из Крыма, находящегося в вассальной зависимости от Османской империи, в Азовскую (впоследствии – Екатеринославскую) губ. Российской империи. Переселенцы образовали на северном побережье Азовского моря ряд сел и